Е.К. ЧЕРНИЧКИНА, Е.С. БУЛЬБЕНКО
(Волгоград)

АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Характеризуется проблема адаптации культурно-эмоциональных смыслов в оригинальном и переводном варианте классического романа. Предлагаются способы трансформации эмотивно-семантических языковых средств, объективирующих эмоциональные концепты, что позволяет распознать признаки изучаемых концептов для адекватной интерпретации на языке оригинала и его перевода.

Ключевые слова: *эмоциональный концепт, категориальная эмоциональная ситуация, эмотивность, культурно-эмоциональные смыслы, художественная коммуникация.*

Значимость адекватной адаптации культурных смыслов эмоциональных концептов в процессе художественного перевода представляется на современном этапе достаточно аксиоматичной. Однако доминантные стратегии данного процесса и варианты вербальных средств их реализации в контексте исследуемых нами концептов «хитрость» и «коварство» еще не являлись предметом лингвистического анализа, что и обусловило выбор темы данной статьи.

Языковые средства, объективирующие эмоциональные концепты, облигаторно содержат эмотивы, т.е. языковые единицы, характеризуемые присутствием в семантической структуре эмоциональной составляющей в виде семантического признака, семы, значения. Отметим, что оттенки эмоциональных концептов, объективированные вербально, могут варьироваться в разных лингвокультурах, и это иногда является препятствием для адекватной интерпретации, а следовательно, и понимания культурных смыслов, объективируемых в процессе коммуникации концептов. По мнению В.И. Шаховского, «шкала эмоций является одной из общечеловеческих универсалий, такие поля, несомненно, существуют во всех языках. Другое дело, что их конфигурация и состав могут и должны разниться» [2, с. 140].

Несмотря на универсальность ядерных признаков анализируемых концептов, каждый из них в определенной степени национально маркирован. И это становится особенно заметным при сравнении способов объективации концепта в художественной коммуникации на языке оригинала и его переводном варианте. Именно в художественной коммуникации этот процесс представлен особенно наглядно.

Восприятие иноязычной литературы не может не основываться на эмоциональной компетенции читателя, который должен распознать основные культурные смыслы, оттенки, зафиксированные автором и переданные переводчиком. Без знания основных факторов (истории возникновения произведения, эпохи создания, особенностей стиля автора и др.), которые влияют на полное и адекватное понимание переданного смысла, невозможно адекватно распознать признаки изучаемых концептов и полностью постичь глубинные смыслы, заложенные в произведении. В качестве одного из источников материала исследования нами была выбрана драма Ф. Шиллера «Коварство и любовь», поскольку она уже в своем названии указывает на наличие языковых средств объективации концептов хитрости/коварства при описании жизненных ситуаций, стимулирующих максимальное проявление человеческих страстей, переживаний, эксплицируя высшее и низменное в характере человека через его коммуникативное поведение.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что интерпретация художественного текста является творческим процессом воссоздания художественного произведения различными средствами. По мнению П.С. Волковой, такими средствами выступают эмотивное значение, эмотивная коннотация и эмотивный потенциал слова: «Их роль обусловлена наличием категории эмотивности как ценностного континуума языка, посредством которого эмоциональные переживания субъекта творчества объективируются в художественном тексте и вызывают соответствующие эмоциональные переживания у субъекта интерпретации» [1, с. 42]. Это означает, что при помощи слова любой художественный текст, транслируя картины жизни героев, облигаторно воспроизводит и их эмоции. Именно эмотивность выступает как основное средство интерпретации смысла художественного текста в процессе декодирования содержательной информации. Следовательно, объектом внима-

© Черничкина Е.К., Бульбенко Е.С., 2015

ния лингвистов при переводной реконструкции художественной коммуникации должна быть адаптация культурно-эмоциональных смыслов, сохранение «эмоционального градуса» средствами принимающей лингвокультуры. Естественными представляются при переводе возможная потеря каких-то характеристик структурных составляющих концепта и при этом «выпячивание», «высвечивание» других его компонентов. Таким образом, при переводной реконструкции коммуникативных категориальных ситуаций (в нашем случае) проявления хитрости и коварства имеет место трансформация оттенков объективируемых концептов.

Сравнивая категориальные эмоциональные ситуации проявления хитрости и коварства в оригинальном художественном произведении и его переводном варианте, мы отметили определенные расхождения в распредмечивании данных концептов, которые не затрагивают их ядерных признаков, а касаются образности используемых языковых средств трансляции основного смысла. Следует признать, что ответить на вопрос о соотношении универсальных и культурно-специфических компонентов эмоциональных концептов достаточно сложно. Однако сопоставительное исследование на материале немецкого и русского языков позволило нам установить, что универсальные характеристики, выявленные за счет совпадения в понятийных и ценностных составляющих, при переводе остаются. Таким образом, концепт «коварство» в немецком и русском языках имеет только отрицательную коннотацию: *злость, бесчувственность, жестокость, ненависть* и др. Концепт «хитрость» характеризуется и положительно, и отрицательно: *ум, расчетливость, использование кого-либо в корыстных целях* и др. В то же время образные составляющие отличаются благодаря культурно-специфическим характеристикам, реализуемым в данном контексте.

Результаты анализа практического материала в отобранных нами категориальных эмоциональных ситуациях подтвердили нашу гипотезу, что различия в сопоставляемых лингвокультурах касаются в основном образной составляющей. Образность используемых писателем средств направлена на достижение художественного эффекта и оказание эмоционального воздействия на читателя, поэтому столь важным представляется сохранение эмоциональной тональности при переводной реконструкции. Образные средства представляют собой такую лексику, которая представлена в наглядно-переносном значении. «Образная лексика языка – это лексика, основной функцией которой является образная предикация денотата. Она не столько называет денотат, сколько характеризует его. Она информирует о психическом состоянии говорящего, его отношении к предмету и объекту речи» [3, с.142]. Однако не всегда возможно найти в принимающей лингвокультуре адекватные образные средства, симметрично транслирующие эмоционально-образные характеристики распредмечиваемых концептов, что, без сомнения, ведет к определенным лингвокультурным трансформациям. Данные эмотивно-семантические рассогласования, асимметричное нюансирование, на наш взгляд, могут проходить по следующим маршрутам:

а) усиление отрицательной коннотации при переводе на русский язык;

б) смягчение отрицательной коннотации при переводе на русский язык;

в) усиление образности (за счет характерных для русского языка ФЕ, пословиц, более образных стилистических средств);

г) ослабление или потеря образности при переводе на русский язык.

В ходе сравнения категориальных эмоциональных ситуаций проявления коварства и хитрости в произведении «Коварство и любовь» в переводе на русский язык и дословном переводе с немецкого языка нами были выявлены следующие языковые различия при номинации субъекта, объекта и действий, репрезентирующих основные характеристики объективируемых концептов.

1. Усиление отрицательной коннотации при переводе на русский язык, например: *рус.* ***злодеяние*** */ нем.* ***беззаконие*** *(Сама невинность сознается* ***под пыткой в злодеяниях /*** *Auch die Unschuld bekennt sich* ***auf der Folterbank zu Freveln*** *(сама невинность сознается* ***под пытками в беззаконии****); рус.* ***беспримерная подлость /*** *нем.* ***шалость (Беспримерная подлость*** *расторгла союз наших сердец /* ***Ein Bubenstück ohne Beispiel*** *zerriß den Bund unsrer Herzen); рус.* ***прокормить человека расчетливого*** */ нем. прокормить* ***хозяйственного / бережливого человека*** *(Должность, которую я занимаю, вполне может* ***прокормить человека расчетливого*** */ Ich habe ein Amt,* ***das seinen guten Haushälter nähren kann****).*

2. Смягчение отрицательной коннотации при переводе, например: *рус.* ***воспользовать-***

ся */ нем.* ***захватить врасплох*** *(Герцог* ***воспользовался*** *моей молодостью и беззащитностью / Der Fürst* ***überraschte*** *zwar meine wehrlose Jugend); рус.* как ***преступник*** *со своим соучастником / нем. как* ***дьявол*** *со своим соучастником (Wie* ***ein Verdammter*** *zum Mitverdammten); рус.* ***ввести в обман /*** *нем.* ***быть преданным*** *(Тебя* ***ввели в обман /*** *Du bist* ***verrathen*** *(тебя* ***ввели в обман****).*

3. Усиление образности за счет:

а) характерных для русского языка ФЕ, например: *рус.* ***морочить голову*** */ нем.* ***играть намеренно*** *(Он* ***морочит голову этой дурочке,*** *будто у него серьезные намерения? /* ***Spiegelt er der Närrin solide Absichten vor? (он играет намеренно)****; рус.* ***пойти на сделку /*** *нем.* ***сообщать*** *(и этот другой* ***пойдет на сделку*** *и вместе с дамой сердца приобретет доверие герцога / Ein Anderer* ***kann sich melden – den Kauf schließen****, mit der Dame das Vertrauen des Fürsten anreißen); рус.* ***все шито-крыто*** */ нем.* ***все тихо (Чтоб все было шито-крыто! / Ganz in der Stille!)****;*

б) стилистических приемов:

– метафоры: *рус.* ***ядовитое насекомое*** */ нем.* ***паразит*** *(пусть* ***ядовитое насекомое*** *не подползает к моему цветку / Aber an meine Blume soll mir* ***das Ungeziefer*** *nicht kriechen (****паразит*** *не должен подползать к моему цветку); рус.* ***скрепить печатью дело рук сатаны*** */ нем.* ***дать печать, чтобы хранить произведения ада (и ты скрепишь своею печатью дело рук сатаны? / und du selbst mußt das Siegel geben, die Werke der Hölle zu verwahren?****); рус.* ***ослепленная гневом любовь /*** *нем.* ***рассерженная любовь*** *(Вот только* ***ослепленная гневом любовь*** *– это все же не то, что деревянная кукла: она не повинуется проволоке / aber Schade nur, daß* ***die zürnende Liebe (рассерженная любовь)*** *dem Draht nicht so gehorsam blieb wie deine hölzerne Puppe);*

– образных эпитетов, к примеру, *рус.* ***бессердечная женщина /*** *нем.* ***слишком плохая*** *(Ты бессердечная женщина / du bist* ***zu schlecht****); рус.* ***крайняя, отчаянная мера*** */ нем.* ***единственное средство (Пусть даже это будет крайняя, отчаянная мера! / Aber wissen Sie denn gar kein einziges Mittel)****;*

– использования оксюморонов: *рус.* ***быть мудрым в своей суровости /*** *нем.* ***ваше неодобрение было мудростью*** *(Вы были* ***мудры в своей суровости / Ihre Mißbilligung war Weisheit****); рус.* ***быть ангельски добрым в своей жестокости*** */ нем.* ***твердость была небесным сочувствием (вы были ангельски добрым в своей жестокости / Ihre Härte war himmlisches Mitleid (ваша твердость была небесным сочувствием)*** и др.

4. Уменьшение или потеря образности при переводе. Примером данного тезиса является определенная утрата образности при переводе «говорящих» фамилий главных персонажей, представляющих собой красноречивые характеристики этих действующих лиц, таких как *Wurm* (что в переводе с немецкого означает «червяк», «змея», т.е. «хищник»), *von Bock* («козел»), гофмаршал Кальб («теленок»). Автор наделяет своих персонажей аллегорическими именами, прозрачно намекая на отличительные особенности их характеров. Однако в русской лингвокультуре в данном случае мы сталкиваемся с национально маркированной лакунарностью как отсутствием определенных релевантных фразеологических единиц, характерных для немецкого языка в этом контексте.

Результаты сравнительного анализа используемых языковых средств объективации изучаемых концептов при переводе категориальных эмоциональных ситуаций проявления хитрости и коварства указывают на преобладание такого выделенного нами способа трансформации, как усиление образности (за счет характерных для русского языка ФЕ, пословиц, образных стилистических средств), среди четырех отмеченных способов (65%). Таким образом, в русском языке концепты «коварство» и «хитрость» объективируются при помощи достаточно разнообразных, по сравнению с немецким языком, метафорически окрашенных языковых средств, что подчеркивает большую образность как константную характеристику русского языка.

Это позволяет нам прийти к выводу о том, что адаптация основных культурных смыслов исследуемых концептов при переводе категориальных эмоциональных ситуаций, их объективирующих, соответствует национально маркированной русской эмоциональной картине мира, что позволяет читателям-реципиентам глубже и тоньше прочувствовать эмоциональную тональность, зачастую – эмоциональное напряжение в реконструированных художественных ситуациях проявления коварства/хитрости. Анализ языковых средств, передающих все нюансы образной составляющей исследуемых концептов, актуализируемых при переводе художественных произведений, подтверждает универсальность базовых концептуальных признаков, а лингвокультурные рас-

хождения связаны с эмоциональной плотностью транслируемого оттенка образной составляющей.

Список литературы

1. Волкова П.С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста (на материале прозы Н. Гоголя и музыки Ю. Буцко, А. Холминова, Р. Щедрина): дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
2. Шаховский В.И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала // Хрестоматия по переводоведению / сост. Л.И. Сидорова, В.И. Тхорик. Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2001. С. 130–144.
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
4. Schiller F. Kabale und Liebe. Schillers Werke in fünf Bänden. Zweiter Band. Volkverlag Weimar, 1959. S. 279–395.

* * *

1. Volkova P.S. Jemotivnost' kak sredstvo interpretacii smysla hudozhestvennogo teksta (na materiale prozy N. Gogolja i muzyki Ju. Bucko, A. Holminova, R. Shhedrina): dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 1997.
2. Shahovskij V.I. K probleme transljacii konnotativnyh komponentov perevodimoj edinicy soderzhanija teksta originala // Hrestomatija po perevodovedeniju / sost. L.I. Sidorova, V.I. Thorik. Krasnodar: Kub. gos. un-t, 2001. S. 130–144.
3. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaja teorija jemocij: monografija. M.: Gnozis, 2008.

Adaptation of cultural meanings of emotional concepts in the process of artistic translation

There is considered the issue of adaptation of cultural and emotional meanings in the original and translated variant of a classical novel. There are suggested the ways of transformation of emotive and semantic language means that make the emotional concepts objective. The suggested routes allow finding out the signs of the concepts for adequate interpretation in the original language and for translation.

Key words: *emotional concept, categorial emotional situation, emotiveness, cultural and emotional meanings, artistic communication.*

(Статья поступила в редакцию 3.04.2015)

Е.В. КРАСНОЩЁКОВ
(Таганрог)

К ПРОБЛЕМЕ ДВОЙНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Представлен анализ двойного склонения языков разных систем. Некоторые падежи простого склонения принимают дополнительно аффиксы других падежей, и словоформа существительного получает два падежных окончания. Подобная картина наблюдается в монгольских языках, енисейских языках Сибири, а также языках чукотско-камчатской группы. Исследование показало, что такие двойные падежи использовались в них для выражения притяжательных отношений.

Ключевые слова: *категория притяжательности, двойные падежи, двойное склонение, родительный падеж, отношения притяжания.*

В монголоведении традиционно сложилось понятие о так называемом двойном склонении, когда словоформа имени существительного получает сразу два падежных окончания, присоединяемых последовательно один к другому. В данном случае аффиксы других падежей принимают дополнительно некоторые падежи простого склонения, становясь, таким образом, новыми основами с несколько иным оттенком значения. Подобная картина наблюдается во всех монгольских языках.

Однако имена в двойном склонении изменяются не по всем падежам. В качестве основы для двойного склонения в монгольских языках могут выступать падежи родительный и совместный. Например: монг. *ах + ын + + д* – на квартире, дома, в семье брата (род. + + дат.-мест. падеж), *ах + ын + аас* – из квартиры, дома, семьи брата (род. + исх. падеж); калм. *hah* ‘тетка’+*ан* ‘теткины’(род. пад.); +*аг hahанаг* ‘теткиных’ (род. + вин. падеж); *Балдн* имя – + *а* + *h/ас Балднahас* (род. + исх. падеж) (соединительный *h* появляется перед суффиксами орудного, исходного, направительного падежей у слов с конечным -*н*) [14, с. 73; 11, с. 112].

В дунсянском языке, в отличие от остальных монгольских языков, вторичная основа, от которой образуются двойные падежные формы, может состоять из существительного в родительном падеже и суффикса -*ҕун*. При

© Краснощёков Е.В., 2015